

УДК 811.161.1'37

Концептуально-языковые механизмы формирования фольклорных текстов в русских старожильческих говорах Восточного Казахстана

Шейкина Татьяна Федоровна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Восточно-Казахстанский государственный
университет им. С.Аманжолова,
070003, Республика Казахстан, Усть-Каменогорск,
ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34;
e-mail: TanjaSh@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных механизмов формирования картины мира диалектоносителя, проживавшего на территории ВКО. В центре внимания – особенности репрезентации мировосприятия носителей говоров посредством производных наименований лица, концептуально-семантическая структура которых рассматривается в рамках различных типов фольклорного дискурса. Цель данной статьи – выявление превалирующих тенденций формирования концептуально-языковых стереотипов в сознании старожилов на основании функционально-семантического описания дериватов сквозь призму народного мировосприятия. Общий подход к исследованию – дедуктивно-описательный, при котором подтверждение выдвинутых положений происходит с помощью приемов наблюдения над фактами, сопоставления положений с языковым материалом, его анализом, систематизацией и обобщением. Частично был использован метод непосредственного наблюдения, предполагающий запись живой речи носителей диалекта.

Данные, полученные в ходе рассмотрения языковых единиц в социально-историческом контексте, могут быть привлечены в процессе преподавания курса русской диалектологии.

Выявление закономерностей функционирования производных номинального класса как компонентов высказывания, реализующих в его рамках дискурсивные стратегии диалектной языковой личности, является важным в рамках семантического направления синтаксиса.

Особую лингвокультурологическую значимость результаты исследования приобретают в связи с дискурсивно-жанровым аспектом рассмотрения семантики дериватов, позволяющим выявить основные тенденции коммуникации диалектоносителей как составляющие модели языковой личности старожила.

Ключевые слова

Фольклорный дискурс, производная лексика, когнитивно-пропозитивная структура, семантика, языковая личность, речевой жанр, оценка.

Введение

Специфика языка диалектоносителя определяется сущностью его мировосприятия, что отражается в лексической системе, предпочтениях в выборе грамматических средств, особенностях дискурса.

Коммуникативные структуры, используемые в процессе общения носителями говоров, создаются посредством особенностей крестьянского мировидения. На денотативно-пропозитивном уровне – это набор событий и ситуаций, на структурно-

пропозитивном – специфика представления событий.

Являясь продуктом речевой деятельности старожилов, коммуникативные структуры могут быть рассмотрены в рамках жанровой категории, детерминирующей семантические смыслы высказываний диалектоносителей и «отражающей сущностные черты диалектной речи как формы коммуникации»¹.

Языковое сознание говорящего человека, проявляющееся в форме ре-

1 Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – С. 86.

чевых жанров, отражает накопленные в течение всей его жизни социально-психологические, лингвокультурные и обиходно-бытовые знания и оценки. Следовательно, описание речевых жанров языковой личности позволяет охарактеризовать как индивидуальные речевые характеристики личности, так и черты говора в целом.

Понимание речевых жанров в данном исследовании основывается на концепции М.М. Бахтина и его последователей, в частности, Т.В. Шмелевой, называющих речевыми жанрами модели, типы высказываний, объединенных единством тематического содержания, стиля, композиционного построения² и имеющих набор конкретных способов их речевого воплощения.

Типология речевых жанров основывается на жанровых признаках – коммуникативная цель и конкретное коммуникативное намерение, зависимость от коммуникативного времени, своеобразии диктумного содержания, специфика взаимоотношений говорящего и слушающего, особенности формальной организации.

С точки зрения назначения речевой коммуникации все высказыва-

2 Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88.

ния диалектоносителей могут быть разделены на разовые и воспроизводимые.

Воспроизводимые высказывания в речи диалектоносителей – прецедентные тексты (в терминологии Ю.Н. Караулова) – это фрагменты произведений устного народного творчества.

Диалектная языковая личность, являясь носителем традиционной народной культуры, обладает свойствами, которые отложились в языке, сказались на ее речевом поведении, то есть проявились в языковом сознании. Главное – это «невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни, то есть воспроизведением опыта предшествующих поколений без существенных изменений, одинаковостью занятий, подчинением миру – общине, регламентировавшей практически все проявления личной жизни, коллективными производственными и этическими традициями»³.

Коллективные представления и выражающие их коллективные фольклорные тексты сохраняли и укрепляли эту зависимость личности от

3 Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 35.

социума. На языковом уровне это проявлялось в специфическом взаимодействии в языковом сознании и речевом поведении личности диалектной речи и языка фольклора (фольклорных текстов).

Фольклорные тексты, бытовавшие в старожильческом языковом обществе, являлись результатом производства коллективной языковой личности, фольклорного социума, творящего свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию⁴.

Таким образом, фольклорные тексты являются результатом «простонародного художественного творчества» или, другими словами, художественной коммуникацией. Следовательно, фольклор рассматривается нами как особый тип дискурса, функционирующий в гомогенной аудитории (общество диалектоносителей), где весь набор жанров (лирические песни, частушки, сказки, любовные песни) предполагает определенную этнокультурную и социальную стратификацию, но в то же время отражает ценностные представления фольклорного коллектива, реализующие, наряду с дескриптивным, аксиологический компонент модели мира.

4 Там же. – С. 36.

Таким образом, для общества старожиллов характерен своеобразный набор коммуникативных ситуаций, что в свою очередь определяет специфику фольклорных жанров.

Реконструкция ценностной картины мира диалектоносителей, связанная с концептуализацией лица, человека, должна осуществляться сквозь призму экстралингвистических факторов, определявших любой акт номинации и «окрашивавших» концептуальную систему отражения действительности в соответствии с национально-культурными традициями. В связи с этим особое внимание следует уделить способности жанровых форм аккумулировать особенности восприятия мира носителей старожильческих говоров при условии, что одним из главных объектов диалектной коммуникации является сам человек во всем многообразии его физических, психических, интеллектуальных и социальных качеств.

Специфика речевых жанров диалектной коммуникации

«Для поддержания единства общественного сознания очень важна его рефлексия о самом себе», что находит выражение в текстах «более или

менее устойчивой структуры», в рамках достаточно «устойчивых условий бытования»⁵.

Характер категоризации фактов и событий окружающей действительности обусловлен спецификой жизнедеятельности старожилов, существованием определенных этнических стереотипов. Ключом к пониманию данных репрезентаций внеязыковой действительности является установление исторически обусловленных связей диалектоносителей с общерусским типом языковой личности.

Подобные связи определяются историей русского освоения Алтайского края и характером его диалектной обстановки: довольно продолжительное существование на территории Алтая говоров старожилов – выходцев северных территорий Западной Сибири, ранее – жителей севернорусских европейских губерний; позднее – появление говоров переселенцев из южнорусских регионов России; функционирование на территории Алтая говоров старообрядцев-каменщиков, прибывших из северных и северо-восточных регионов Европейской

части России, а также относимый исследователями к южнорусскому типу говор старообрядцев, переселившихся в XVIII веке из Польши.

Следование общерусским традициям, восходящим к единому духовному источнику (православию), объединяло алтайских старожилов и сближало их мировоззрение с общенациональной картиной мира. В то же время старообрядцы, представлявшие значительную часть алтайских переселенцев, вели обособленный образ жизни в качестве субэтнической группы (позже расколовшейся на ряд сектантских образований), что обусловило сосуществование в рамках единого общества объединений, основывавшихся, наряду с православием, на «своей» системе верований, представляемой в виде специфичных ментальных образований-концептов, хотя и восходящей в основах к единой христианской религии.

Таким образом, территориальная ограниченность и оторванность от российских «центров», а также внутренняя неоднородность макромира «алтайцев» позволяет рассматривать его в определенной иерархии с общерусской языковой картиной мира в качестве результата ее дробного членения.

5 Михайлов А.В. О дискурсивных аспектах бытийствования социальной группы // Языковая система – текст – дискурс. – Самара: Самарский университет, 2003. – С. 170.

Общезыковая картина мира «алтайцев» представлена рядом стереотипных ситуаций. В их основе – система ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, которые находят отражение в языке посредством дискурсивной деятельности индивида, «порожденной» его личностно-ментальной картиной мира.

Таким образом, понятие дискурсивной деятельности рассматривается нами в проекции на личность, реализующую свои языковые способности посредством создания устных текстов. На данном этапе исследования особую значимость приобретает исследование жанровой природы диалектного дискурса, которая посредством фиксации индивидуальных речевых характеристик говорящего способна «портретировать» специфику диалектной личности: её языковую картину мира, языковое сознание, систему ценностных ориентиров.

Речевая ситуация, являясь базой для возникновения жанровых форм, представлена в рамках исследуемого нами материала в качестве индивидуализированных и коллективных прецедентных текстов. Индивидуализированные дискурсивные образования представлены речевыми

конструкциями, дифференцируемыми по типу репрезентируемой ситуации-денотата, где точка отсчета – личность говорящего (бытовой рассказ, рассказ-воспоминание). Однако объектом нашего исследования являются тексты – «представители» фольклорного дискурса. Выявление специфики репрезентации мировосприятия старожиллов сквозь призму их языковой личности релевантно осуществить посредством анализа функционально-семантических особенностей производных наименований лица в рамках фольклорных текстов.

Производная лексика рассматривается нами как одно из основных средств языкового отражения отношений между предметами и явлениями окружающей действительности. Данный аспект исследования дериватов возможен посредством пропозитивного подхода к анализу их семантико-словообразовательной структуры.

Производное слово, являясь результатом свертывания мотивирующего суждения (пропозиции), рассматривается в ряду способов вторичного выражения событийной семантики, фиксируемой в рамках деривата посредством структуры словообразовательного значения. Это позволяет рассматривать процесс образования

дериватов в аспекте избирательности объектов словообразовательного маркирования, обусловленной интенцией говорящего. В наименовании внеязыковых объектов реализуются приоритетные коммуникативные стратегии диалектоносителей, отражающие специфику социальных процессов в обществе старожиллов и апеллирующие к их этнокультурной когнитивно-языковой картине мира.

Лингвокогнитивная специфика фольклорного дискурса диалектоносителей

По определению К.В. Чистова, фольклорные тексты представляют собой простонародную устную вербальную традицию передачи опыта и знания посредством форм «художественной коммуникации»⁶. «Фольклорный дискурс является одной из форм фиксации результатов познавательной деятельности человека. В нем в особой, эстетически значимой форме отражаются ценностные представления фольклорного коллектива, реализующие, наряду с дескриптив-

ным, аксиологический компонент модели мира»⁷.

Жанр лирической песни в исследуемом нами материале реализует посредством личностно-ориентированных дериватов информацию, характеризующую человека по отличительным признакам, концептуально значимым в аспекте их функционирования в рамках общекультурных когнитивных образований (в данном случае ими являются «любовь» и «семья»), рассматриваемые на основании текстов любовных и семейно-бытовых лирических песен).

«Стоит столик дубовой, ножки точёны.

Подай балалайку, подай балалайку, подай балалаечку сюда.

А за этим за столом три девицы сидят.

Подай балалайку, подай балалайку, подай балалаечку сюда.

Три девицы сидят, они хлеб да соль едят.

Подай балалайку, подай балалайку, подай балалаечку сюда.

Они хлеб да соль едят, про Ванюшу говорят.

⁶ Чистов К.В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1988. – С. 327.

⁷ Тубалова И.В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 261.

Подай балалайку, подай балалайку, подай балалаечку сюда.

У Ванюши-кудряша нету денег ни гроша.

Подай балалайку, подай балалайку, подай балалаечку сюда.

Денег нету ни гроша, но зато поет душа» (с. Снегирево).

Перцептивно обусловленная характеристика человека (*кудрявый*), определяющая систему связанных с ней поведенческих ассоциаций и основополагающая в процессе оценки его личности окружающими, передается посредством семантики производного имени, выполняющего, таким образом, основную сюжетобразующую функцию: Ванюша кудряв, а значит, красив: любит петь, следовательно, нравится девушкам. Но, будучи красивым, он не способен обеспечить себя средствами для нормального жизнеустройства. Данный контраст в восприятии личностных качеств Ванюши передается бытийной конструкцией с отрицанием.

*«Бежал **бравчик** кудряват,*

Люли, браво кудряват,

Люли, браво кудряват.

Он, наш Саша, не женат,

Да он, наш Саша, не женат.

Да на им шапка – сто рублей»

(с. Быково «Бежал бравчик»).

Специфическое качество личности (*бравчик – бравый*), перцептивно фиксируемое посредством структуры производного, представлено говорящим в качестве субъекта модели движения («бежал»), что указывает на непостоянный, ситуативный характер проявления признака, оцениваемого в данный момент как доминирующий. Положительная оценка этого качества «подкреплена» указанием на внешние признаки человека, представляющие в сознании старожилов несомненную эстетическую и практическую ценность («кудряват», «шапка – сто рублей»), повышающие его шансы на успех в кругу потенциальных невест («Да он, наш Саша, не женат»).

В текстах, относимых к семейному дискурсу, характеристичное обозначение лица осуществляет, посредством пропозитивной структуры производного, его социальную идентификацию сквозь призму оценки говорящего:

«...Мой старый муж,

Погубитель мой.

Ой, дитя, ой, млада,

Погубил мою головушку

Девушкину все молодушкину...»

(М.М. Багизбаева)⁸.

⁸ Багизбаева М.М. Русский фольклор Восточного Казахстана. – Алма-Ата: Рауан, 1991. – С. 108.

Субъект оценивания – диалектоносите́ль в его коллективном проявлении. Производные используются преимущественно в качестве характеризующего пояснения к номинациям-обозначениям членов семьи. Именно эти пояснения несут в себе семантику каузации описываемых далее событий. Качества, получающие обозначение, интенсифицируются посредством употребления ассоциативно обусловленных характеристик компонентного состава описываемых событий: *погубитель – погубил, головушку молодуюшкину*. Использование отрицательных коннотативных компонентов в структуре производных направлено на создание аксиологически значимого образа семьи. Ее ценность неизменна и формируется посредством аксиологически стабильных концептов-представлений об обязательных членах семейного микромира, во главе которого отец как носитель традиционных патриархальных представлений, то есть запрещающий дочери брак по любви:

«Во лужях, лужях зеленых

Вырастала трава шелкова,

Расцвели цветы лазоревы.

Уж я в той траве выкормлю

коня,

Уж я выкормлю, выглажу его.

Поведу я коня к батюшке:

«Государь мой, сударь-батюшка!

*Ты отдай меня за **милочку**.*

Уж я милочку душой люблю,

Я со милочкой гулять пойду»

(с. Быково).

Производное «*милочка*» – ключевой момент в процессе реализации прагматической интенции говорящего: выразить отцу просьбу о счастливом браке по любви. Семантика деривата фиксирует не столько ролевую характеристику лица (участника события), сколько оценку субъектом речи его личности как каузатора счастливой семейной жизни.

Образ отца и матери эстетически переосмысливается в обрядовых песнях, поющих во время «бранья» (в то время, когда жених забирает невесту из родительского дома):

«Накатилась туча черная,

Прилетают черны вороны,

*Злы **разлучники**.*

Разлучают меня с отцом – с матерью,

С родом-племенем,

Со хорошей девьей красотой,

Со любезными подружками»

(М. Швецова «Песня, которая поется на «бранье»⁹).

9 Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского

Структуру подобных песен формирует ролевая оппозиция: отец и мать как символ незамужней, счастливой жизни, символ дома (т.е. отчего крова, защиты, родных и близких) – жених и его родственники, «налетевшие», как черные вороны и разлучающие девушку с семьей. Ролевой состав данной коммуникативной ситуации обусловлен традиционными взглядами девушек на замужество, происшедшее чаще всего не по любви.

Дериваты, представляющие ролевую характеристику жениха (*разлучник*), фиксируют деятельностно проявляемый предикативный признак, воспринимаемый сквозь призму чувств говорящего – субъекта ситуации.

Жених и его семья связаны в сознании девушки с нарушением ее личной свободы, с неизбежностью происходящего в силу «веками» складывавшихся порядков и обычаев:

*«Да не слыхала наша Танюшка,
Да как бояре понаехали,
Да как приехал да **разлучник**
твой,
Да **разлучитель-разлучитель**
вековой.*

отдела русского географического общества. – Омск: Типография окружного штаба, 1900. – С. 5.

Да он разлучит с отцом-с матерью,

Да еще с милыми подружками»
(с. Секисовка «Воротись-ка»).

Употребление производного имени совместно с прилагательным оценки (*злы разлучники; разлучитель вековой*) интенсифицирует выражение данного ассоциативно обусловленного компонента пропозитивной семантики деривата. Подобная закреплённость пейоративного наименования за определенной категорией лиц в рамках стереотипной ситуации придает ему этикетное значение, выступая в качестве средства выражения ролевых отношений.

Оценочная семантика производного «разлучник, разлучитель», употребляясь в рамках событийных пропозиций действия, фиксирующих прибытие сватов, является недостаточно информативной или, по определению Н.Д. Арутюновой, обнаруживает «перспективную характеристику»¹⁰, подразумевающую дальнейшие дескриптивные интерпретации: *приехал разлучитель – «Да он разлучит с отцом-с матерью, Да еще с милыми*

10 Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Выпуск 16. – С. 29.

подружками». Таким образом, производные имена лица, выступая в качестве маркеров экспликации оценочных характеристик, задают схему их дискурсивного употребления с целью обозначения основных этапов раскрытия концептуальной информации.

Выбор объекта речевой характеристики в жанре частушки обусловлен тематической направленностью дискурса. Молодежный по своей природе, жанр частушек касается тем, приоритетных в кругу представителей данной возрастной группы. Это, прежде всего, специфика взаимоотношений между парнем и девушкой, передаваемая преимущественно посредством пропозиций состояния, в рамках которых производные функционируют в качестве концептов, преломляющих характеризующее состояние и представляющих его как объект эстетического переосмысления: «*Полубила кудряша, Глаза, как у ворона. Он запекает хорошо И завлекает здорово*» (с. Быково).

Как правило, производные выполняют роль каузатора описываемого состояния: «*Сорок лет коровы нет, Маслом атрыгайтца, Малаканышка любить Маманька ругайтца*» (п. Глубокое) – человек работает на молоканке, поэтому любить его запрещается.

Нормативным в подобных случаях является сочетание пропозиции состояния с перцептивным суждением (зачастую они взаимообусловлены). Для таких вариантов характерно использование производных имен, несущих в себе оценочную семантику как результат процесса восприятия субъектом определенных качеств объекта речи: «*Я спала, во сне видала Своего дорогушечку. А проснулася одна, Обняла подушечку*» (с. Тургусун).

Высказывания восприятия представлены пресуппозиционно в текстах, направленных на характеристику внешних качеств людей:

*«Говорят на меня,
Что я вертоходочка.
А я не вертоходочка,
У меня така походочка».*
(с. Поперечное)
*«Это кто такой идет,
Широко шагает?
Это Ваня-растопча
Маню провожает»*
(с. Сенное).

Являясь фоновой для подобных суждений, пропозиция восприятия опускается в силу своей очевидности, выступая, в то же время, основой для формирования характеризующего высказывания, входя в пропозитивную структуру производного в качестве

семьи зрения: *вертоходочка* – та, которая ходит, вертясь; её походку можно охарактеризовать только посредством зрения.

Таким образом, перцепция – основа для создания большинства текстов исследуемого жанра. Оценка внутреннего мира, как правило, не находит выражения в структуре данного дискурса, следовательно переосмыслению подвергаются соответствующие «плохие» или «хорошие» события, воспринимаемые преимущественно посредством зрения или слуха: «*На гармошку новую Не вешай, милый, голову. Нашел новую **матаню**, Надо быть веселому*» (с. Быково); «*Вы не смейтесь, красивы, Да еще **отлеточки**. Мы такую красотой Подбивам подметочки*» (с. Предгорное) – отлеточка – отчаянный, озорной человек.

Восприятие событий, не соответствующих гармоничному мироустройству, обуславливает реакцию коллективного субъекта, реализуемую посредством действий, предполагаемых или реальных, следующих за суждением перцептивного типа: «*Супостатка перебила, Перевысила рублем. Мы пятерочку набавим, Супостатку перебьем*» (с. Глубокое).

Таким образом, производные имена лица реализуют в частушеч-

ной форме ключевые концепты мировосприятия молодого поколения, ограниченного непосредственным отражением явлений окружающей действительности. При этом приоритеты молодежного восприятия окружающей действительности находят реализацию прежде всего посредством пляски и пения как ситуаций, воплощающих личную свободу, «озорство, мобильность», а значит, выступают как импликаторы особой частушечной гармонии.

Если жанры песен и частушек предстают практически недифференцированными по типу языковой личности диалектоносителя, то речевой жанр заговоров является продуктом дискурсивной стратегии непосредственно личности старообрядца, воплощающего в данных текстах связь с языческими верованиями предшествующих поколений.

Данные тексты представляют собой специфическую разновидность фольклорного дискурса, относимого к разряду «прецедентных текстов» (термин Ю.Н. Караулова), т.е. «распространенных и часто воспроизводимых... знакомых широкому кругу носителей языка и отражающих культуру данного общества»¹¹.

11 Иванцова Е.В. Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лекси-

При всем разнообразии ситуаций использования заговоров дискурсивные образования, в рамках которых функционируют производные имена лица мутационного типа, можно дифференцировать в соответствии с обозначаемыми событиями:

а) ситуации, в основе которых – предостережение и прогнозирование опасности. Это прежде всего заговоры от любого проявления зла по отношению к субъекту речи: *«Стал раб (имя), благословясь, пошел я перекрестясь из избы дверями, из ворот воротами под восток, под восточную сторону, вокруг меня – железный тын от земли и до неба, от востока до запада. Этот тын никто не может ни перейти, ни переехать – ни еретик, ни еретица и ни колдун, ни колдунница, ни встречной, ни поперечной и ни баба-простоволоска и ни девка-самокрутка, ни белый, ни русский, ни черный»* (Алтайский сборник)¹².

В данном случае дериваты выступают в качестве обозначения субъектов зла, следовательно, кауза-

кографии, мотивологии, дериватологии. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. – С. 69.

12 Алтайский сборник. – Барнаул: Изд-во Алтайского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, 1912. – С. 10.

торов возникновения ситуации опасности.

В заговоре от зубной боли реализован принцип сопоставления, традиционно используемый при построении дискурсивных образований данного типа. Производное имя также служит наименованием каузатора, но уже благих событий: *«Батюшка млад месяц, ходишь во дни и в ночи, видишь живых и мертвых. Как у мертва-мертвяка зубы не болят, десны не ноют, так у раба Божия (имя) зубы не болели б»* (Алтайский сборник)¹³.

б) ситуации использования заговоров в период проведения свадебного обряда. В основу заговоров кладется принцип сопоставления, что обусловлено:

– заботой о молодых, стремлением оградить их от «дурных» людей: *«Как туяс без дна, так и дружка, и весь поезд без ума. (С улицы пошаркаешь туясом о скобу; первым возьмется дружка – вино станет подавать и обдувать)»* (Алтайский сборник)¹⁴.

Производное «дружка», традиционно используемое в свадебно-обрядовой коммуникации, обозначает субъект действий, наделенный большой функ-

13 Там же. – С. 11.

14 Там же.

циональной нагрузкой: не просто помогать жениху и невесте, но оградить их от различных наговоров путем «обдувания» вина. (Для защиты от наговоров могло использоваться как крестное знамение, так и «обдувание»).

– стремлением навредить молодым, вызвать задержку движения свадебного поезда, следовательно, внести смуту в души людей: *«Как с поганого ведра обруч колесом, так и дружка с седла колесом (перед поездом катни спавший обруч; как дружка доедет до этого места, так и вылетит из седла)»* (Алтайский сборник)¹⁵. Обращает на себя внимание имплицитно представленная императивная семантика предикатов суждений, предсказываемая когнитивно-пропозитивной моделью данного дискурса. В рематической части суждений располагается наречие «колесом». Отсутствие предикатов усиливает речевое воздействие суждений, утверждающих порядок осуществления желаемых действий.

Необходимо заметить, что удаленность от религиозных центров, внутренняя разрозненность, обособленный образ жизни последователей старообрядчества обусловили норма-

15 Там же. – С. 12.

тивность для них использования заговоров, рассматриваемое православием как грех. При этом в текстах наблюдается стремление к объединению крестной силы с силами потусторонними, выходящими за рамки христианского мира. Субъект речи в данных ситуациях не ощущает резкой грани между ними, и данное объединение – естественное явление для сознания носителя старообрядческой культуры на территории Алтая.

В системе речевой деятельности жанр заговоров является специфичным выражением национального духа языка староверов, реализующих посредством их использования стремление обезопасить, облегчить и упорядочить жизнь.

Выводы

Производное имя, являясь текстовой микропропозицией и выступая в качестве компонента общего когнитивного фонда коммуникантов, представляет собой элемент дискурса, конденсирующий как индивидуальные, так и социальные специфические черты речевого поведения личности. Следовательно, способ организации дискурса детерминирован типом языковой личности, репрезентирующей в

его рамках социально обусловленную дискурсивную стратегию.

Яркой чертой принадлежности к диалектному коллективу, демонстрирующей его единство с общерусской культурой, является наличие в коммуникативных ресурсах личности стандартного набора прецедентных текстов фольклорной природы, где функция производных имен обусловлена как спецификой жанра, так и тематической характеристикой текста.

Производные лица, как правило, выполняют функцию социально-ролевой идентификации человека, заменяемую в ряде случаев на нравственно-этическую, управляющую восприятием адресата в рамках традиционных для данного социума ценностно-установочных критериев.

Проявление утилитарности как преобладающей тенденции мировосприятия носителей говоров можно зафиксировать в жанре заговоров, являющихся языческими пережитками и осуществляющих практически регулятивную функцию в сфере жизнедеятельности диалектного социума, основанием для возникновения которой является роль производных, воплощающих семантику каузаторов

ситуации опасности, реже – каузаторов благополучного исхода событий. Как правило, носителями и репрезентантами данных дискурсивных форм являются представители старообрядческих общин.

В песенном жанре семантика дериватов лица ограничена коллективно обусловленной социальной идентификацией объекта речи сквозь призму субъективной оценки, задающей специфическое семантическое окружение, как правило, интенсифицирующее оценочность. Внимание коммуникантов сосредоточено преимущественно на проблемах женской составляющей общества.

Частушки как жанр, бытующий в среде молодежи, определяет преобладание перцептивно обусловленных деривационных характеристик человека, сводимых к фактически повторяющимся образцам, к языковым шаблонам, что позволяет относительно легко декодировать информацию, акцентируя внимание слушателя на факте несоответствия ситуации общественной норме.

Производные лица в фольклорных текстах реализуют функции носителей оценок, что обусловлено их когнитивно-пропозитивной структурой, формирующей опре-

деленные семантические центры, но заданное восприятие адресатом управляющие семантическим окружением и создающие интенциональные специфических признаков объекта речи.

Библиография

1. Алтайский сборник. – Барнаул: Изд-во Алтайского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, 1912. – 17 с.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Выпуск 16. – С. 3-42.
3. Багизбаева М.М. Русский фольклор Восточного Казахстана. – Алма-Ата: Рауан, 1991. – 512 с.
4. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – 190 с.
5. Иванцова Е.В. Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. – С. 69-78.
6. Михайлов А.В. О дискурсивных аспектах бытийствования социальной группы // Языковая система – текст – дискурс. – Самара: Самарский университет, 2003. – С. 170-173.
7. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34–40.
8. Тубалова И.В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 257–295.
9. Чистов К.В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1988.– С. 326-339.
10. Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского отдела русского географического общества. – Омск: Типография окружного штаба, 1900. – С. 1-27.
11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – 120 с.

Conceptual-linguistic mechanisms of forming folkloric texts in Russian old-timers dialects of East Kazakhstan

Sheikina Tatyana Fedorovna

PhD (Philology),

Senior lecturer, Department of Russian Language and Literature,

S. Amanzholov East Kazakhstan State University,

P.O. Box 070003, Tridtsatoi Gvardeiskoi divizii st., 34, Ust-Kamenogorsk,

Republic of Kazakhstan;

e-mail: TanjaSh@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the examining linguistic-cognitive mechanisms of forming a world picture of a dialect bearer living on EKO territory. In the center of attention there are the peculiarities of representation of dialect bearers mentality by means of a personal designations derivatives, whose conceptual-semantic structure is examined within the network of different types of folkloric discourse. The goal of the current study is revealing prevailing tendencies of forming conceptual-linguistic stereotypes in old-timers' consciousness on the basis of functional-semantic description of derivatives through the prism of folk world perception. The general approach to the research is deductive-descriptive when the confirmation of the suggested points happens with the help of ways of watching the facts, comparison of points with the linguistic material, its analysis, systematization and generalization. Partially, the author uses the method of direct observation, proposing the recording of lively speech of the dialect bearer.

The data obtained during the examining of language units in social-historical context may be used in the process of teaching the course of Russian dialectology.

Revealing the regularity of functioning of nominal class derivatives as utterance components, which realize the discourse strategy of dialect linguistic bearer within its network, is important within the confines of semantic tendency of syntax.

The research results obtain special linguistic-culturological meaning in connection with discursive-genre aspect of derivative semantics viewing allowing to

reveal the special tendencies of dialect bearers communication as the components of an old-timer linguistic personality model.

Keywords

Folkloric discourse, derivative vocabulary, cognitive-propositional structure, semantics, language personality, speech genre, assessment.

References

1. *Altai collection* [*Altajskij sbornik*], Barnaul, 1912, 17 p.
2. Arutjunova, N.D., Paducheva, E.V. (1985), "The origins, problems and categories of pragmatic" ["Istoki, problemy i kategorii pragmatiki"] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaja pragmatika*, Moscow, Issue 16, pp. 3-42.
3. Bagizbaeva, M.M. (1991), *Russian folklore of East Kazakhstan* [*Russkij fol'klor Vostochnogo Kazahstana*], Alma-Ata, 512 p.
4. Chistov, K.V. (1988), "Spoken language and problems of folklore" ["Ustnaja rech' i problemy fol'klora"], in *History, culture, ethnography and folklore of the Slavic peoples. X International congress of slavists* [*Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavjanskih narodov. X Mezhdunarodnyj siezd slavistov*], Moscow, pp. 326-339.
5. Demeshkina, T.A. (2000), *The theory of dialectal speech. Aspects of semantics* [*Teorija dialektного высказывания. Аспекты семантики*], Tomsk, 190 p.
6. Ivancova, E.V. (1998), "The world of the individual in the precedent texts" ["Mir lichnosti v precedentnyh tekstah"], in *Problems of lexicography, motivology, derivatology* [*Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii*], Tomsk, pp. 69-78.
7. Mihajlov, A.V. (2003), "On the discursive aspects of being of social group" ["O diskursivnyh aspektah bytijstvovaniija social'noj grupy"], in *Language system – text – discourse* [*Jazykovaja sistema – tekst – diskurs*], Samara, pp. 170-173.
8. Nikitina, S.E. (1989), "Linguistic consciousness and self-identity in popular culture" ["Jazykovoe soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoj kul'ture"], *Jazyk i lichnost'*, Moscow, pp. 34-40.
9. Shmeleva, T.V. (1997), "The model of the speech genre" ["Model' rechevogo zhanra"], in *Genres of speech* [*Zhanry rechi*], Saratov, 120 p.

10. Shvecova, M. (1900), "From a trip to Ridderskij region" ["Iz poezdki v Ridderskij kraj"], in *Notes of the West Siberian department of Russian Geographical Society* [*Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obwestva*], Omsk, p. 1-27.
11. Tubalova, I.V. (2005), "Value view of the traditional world and contemporary folklore" ["Cennostnaja kartina mira tradicionnogo i sovremennogo fol'klora"], in *Art of the Russian world: axiology in the language and text* [*Kartiny russkogo mira: aksiologija v jazyke i tekste*], Tomsk, pp. 257-295.